

С.О. Курьянов, М.А. Новикова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.41.4.011

УДК 398.22(477.75)

Ифигениев текст как субтекст крымского текста (О формировании Ифигениевого мифа)*

Новизна исследования. В статье впервые рассматривается миф об Ифигении как основа Ифигениевого сверхтекста. Данный миф и сформированный на его основе сверхтекст до настоящей работы в отечественной гуманитаристике не выделялись и не исследовались.

Цель исследования – показать пути формирования Ифигениевого мифа, ставшего основой формирования Ифигениевого текста в мировой литературе в целом и русской литературе в частности. При этом *задачи*, которые ставили перед собой авторы, могут быть сформулированы следующим образом: выявить, как с течением времени происходили изменения в воспринимающем сознании в связи с переоценкой роли Ифигении в Троянском мифе, выявить сущностную роль Ифигениевого сюжета для восприятия Троянского мифа в последующие эпохи, показать влияние Ифигениевого сюжета на формирование разных сверхтекстов, в том числе на формирование Крымского (таврического) сверхтекста в русской литературе.

Методы исследования. В работе применены мифопоэтический, культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, которые способствовали описанию исторических условий, повлиявших на трансформацию исследуемого мифа и выявлению его влияния на процессы в литературах разных народов.

Результаты. В статье обобщаются и оцениваются гипотезы относительно места и содержания Ифигениева сюжета в различных сверхтекстах русской и мировой литературы и культуры. Обнаружилось, что традиционная локализация сюжета об Ифигении не вписывается адекватно в исторический или мифологический сверхтекст о волшебном путешествии в иномирие. Рассмотрев его в инновационном крымском ракурсе, авторы пришли к

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

заключению о том, что Ифигениев сюжет входит в особый и обширный сверхтекст – об эллинской колонизации Причерноморья (VI–V вв. до н.э.). При этом даже один из его компонентов – Крымский сверхтекст – включает несколько сюжетов. Наиболее развернутый и глубокий мифосюжет Ифигении в Тавриде исполняет несколько важнейших социокультурных функций. Главная из них (по мнению авторов) – это сакрализация и гуманизация эллинского освоения Причерноморья и Таврики. Без Крымского Ифигениева сверхтекста греческая колонизация будущего Крыма лишилась бы своей духовной и культурной доминанты.

Ключевые слова: Ифигения, Таврида, Троянская война, иномирие, Причерноморье, античность, миф, сверхтекст, крымский текст

I. Введение. Растущее сегодня в отечественной гуманитаристике количество литературоведческих, лингвистических, культурологических работ по теории сверхтекста, работ, изучающих их типологию, описывающих их разновидности, наличие в то же время дискуссий по поводу элементов, их (сверхтексты) формирующих, нередко полуметафорическое понимание и этого термина, и самого явления, недостаточная изученность типов и вариантов сверхтекстов – все это говорит о новизне и актуальности предлагаемой работы. Актуальность данного исследования также поддерживается постоянным интересом литературоведов и культурологов к проблемам мифопоэтики, процессам формирования, бытования и трансформации мифов.

Теория сверхтекста, выросшая из лотмановской идеи «текста культуры», получила свое начало в исследованиях Петербургского текста, предпринятых В.Н. Топоровым [Топоров, 1984; 2009] и оформилась благодаря работам целого ряда исследователей. Затем последовали работы Н.Е. Меднис – о венецианском тексте в русской литературе и первая работа по теории сверхтекста [Меднис, 1999; 2003], исследования В. В. Абашева о пермском тексте [Абашев, 2000] и А.П. Люсого о крымском тексте в русской литературе [Люсый, 2003], развившие и закрепившие понятие сверхтекста. Своеобразным итогом этого периода теоретического изучения сверхтекста стала докторская диссертация А.Г. Лошакова и его монография «Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен» [Лошаков, 2007].

Любой сверхтекст формируется вокруг своего ядра. По мнению Н.Е. Меднис [Меднис, 2003], с которой соглашается А.Г. Лошаков, ядром ассоциативно-смыслового сверхтекста является национально, всемирно, культурно значимый концепт. Что же касается структур-

ных элементов сверхтекста, то еще В.Н. Топоров очень точно подметил [Топоров, 2009: 644], что в основе сверхтекста, образующегося на основе культурно значимого ядерного концепта, в воспринимаящем сознании формируется мифология – пространственная ли, именная ли, событийная ли, но обязательно мифология. Ядро и собираемые вокруг ядра мифологизированные элементы и формируют сверхтекст. Современная мифология – это не столько миф в традиционном смысле слова, сколько константные представления о пространственных, событийных, персонических, персонажных и прочих элементах реального или художественного мира, которые в силу своей повторяемости закрепляются в воспринимаящем сознании и становятся *константными мифологизированными представлениями* [Курьянов, 2019: 30].

Ифигениев текст (сверхтекст) хорошо выявляется в литературе нового времени. По классификации А.Г. Лошакова, вид сверхтекста по типу референта, формируемый в воспринимаящем сознании благодаря связанным с Ифигенией мифам, может быть отнесен к *именным* сверхтекстам. Точнее, к такому подвиду именного текста, как *персонажный* текст. Это именной сверхтекст, строящийся на основе константных мифологизированных представлений о мифологических, фольклорных или литературных героях, которые являются всемирно (национально, культурно) значимыми и поэтому представляют собой концепты, образующие ядра сверхтекстов. В данном случае ядро находится в древнем мифе (устойчиво), и (формально) в фольклорном или литературном произведении, однако в связи с тем, что прецедентный для появления персонажа текст в последних случаях выявить невозможно, ядро выделяется умозрительно и находится условно *над* всеми произведениями, формирующими сверхтекст (а следовательно, *вне* них).

В основе Ифигениевого текста, таким образом, лежит античный миф об Ифигении, а также те константные мифологизированные представления о героине мифа, которые сформировались в последующие эпохи.

Поскольку целью данной статьи является обращение к генезису и путям формирования Ифигениевого мифа и, следовательно, Ифигениевого текста в сознании художника-творца, а затем и в литературном произведении, *теоретическая значимость* данного исследования заключается в том, что в нем впервые в отечественном литературоведении дается описание и осмысление путей формирования и структурных особенностей персонажного мифа и основанного на нем персонажного сверхтекста как одного из вариантов именного сверхтекста. *Практическая значимость* работы состоит в том, что в ней представлен пример использования методологических принципов анализа персонажного мифа и формируемого им сверхтекста, и эти принципы могут быть применены в иных исследованиях, связанных с анализом персонажного мифа и текста.

II. Материалы и методы. Поскольку формировавшийся в разные эпохи, начиная с античности, и интерпретируемый в разных литературах миф об Ифигении в Авлиде, а затем и в Тавриде так или иначе ассоциировался с событиями различных исторических эпох у разных народов, материалом данного исследования стали: сам Троянский миф, в рамках которого началось формирование Ифигениева мифа и Ифигениева текста, включавшего в себя и саму предысторию Троянской войны, и личности Агамемнона, Ахилла, Клитемнестры, Ореста и Пилада, миф о Тавриде и таврах, об Артемиде и ее иновоплощении в виде таврской богини Девы, а также его осмысление в различных исторических и искусствоведческих источниках и в авторитетной справочной литературе – в частности, в энциклопедии «Мифы народов мира». Все это послужило материалом для данного исследования.

Для достижения поставленной цели и решения связанных с ней задач в статье использован мифопоэтический метод, а также культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, которые способствовали описанию исторических условий, повлиявших на

трансформацию исследуемого мифа и выявлению его влияния на процессы в литературах разных народов.

III. Результаты. Само слово «Таврида», являясь калькой с французского, пришло в русский язык в конце XVIII в. благодаря чрезвычайно популярным операм австрийского композитора К.В. Глюка «Ифигения в Авлиде» (“*Iphigénie en Aulide*”, 1772) и «Ифигения в Тавриде» (“*Iphigénie en Tauride*”, 1779). Оперы, в свою очередь, подхватывали и продолжали сюжет, ставший уже ходовым и в театральных, и в поэтических, и в живописных версиях.

Восходил он к греческой античности, включаясь в троянский миф – миф о войне греко-ахейцев с малоазийскими греками, закрепившийся в поэме «Илиада» легендарного рапсода VIII–VII вв. до н.э. Гомера и ставший уже в античности основой троянского сверхтекста. Оперу Глюка «Ифигения в Тавриде» упоминает пушкинский персонаж композитор Антонио Сальери. Отзыв его самый восторженный («глубокие, пленительные тайны»); себя Сальери изображает смиренным учеником «великого Глюка» [Пушкин, 1948: 124].

В то же время, что и австрийский композитор, замышляет и создает свою «Ифигению в Тавриде» (“*Iphigenie auf Tauris*”) великий поэт и драматург Й.В. Гете (замысел – 1776, первая редакция – 1779, окончательная редакция – 1787).

Ясно, что первейшая задача филологов и культурологов, рискнувших работать со столь мощным текстом-магнитом, состояла в том, чтобы скорее углубить, нежели расширить исследовательское поле. Таким локализатором для авторов предлагаемого сообщения служит Таврический (иначе – Крымский) адрес Ифигениевого сюжета.

Может показаться, что изучать тут особенно нечего. Если интересоваться этим сюжетом как некоторой (пускай специфично) исторической реальностью, – уже выявлена серия крымских адресов, связанных через легенды и/или предания с Ифигенией. Это зона Южного и Юго-Западного Крыма. Если сосредоточиться на мифологической стороне данного сюжета, его «морфологии» (по В. Проппу), то (по нему же) сюжет без больших усилий укладывается в модель волшебной сказки, где Крым делается неким типовым «иномирием».

Сюжет Ифигении – отнюдь не первостепенный ни внутри макросюжета о Троянской войне, ни внутри более локального, так сказать медиа-сюжета, о «проклятом роде» Атридов, ни в наиболее «малом» сюжете микенского царя Агамемнона и его детей, в т.ч. дочери Ифигении [Лосев, 1993: 32–33]. Но даже в этом наилокальнейшем сюжете Ифигения занимает очень скромное место.

Первоначально роль Ифигении в Троянском сюжете служебна и в некотором смысле прозрачна. Авлида – порт, где задержался из-за шторма греческий флот, отправлявшийся на войну в Трою. На кораблях должно было плыть наемное войско греков. Ифигения дотоле в сюжете не участвует.

Штиль, как и положено в мифе, вовсе не обыкновенное природное явление. Он – сюжетный ход богини Артемиды. Штиль она вызывает, упротис отца, морского бога Посейдона. А сделала она это в гневе на вождя греков Агамемнона. Он мало того, что убил на охоте символ (или иновоплощение) богини, ее лань. Вдобавок Агамемнон похвалялся, что своим выстрелом уравнился с Артемидой в охотничьем мастерстве.

Жрец Калхас (Калхант) открывает дерзкому царю условие богини. Он простит царя, если тот отдаст ей жертву за жертву, потерпит ущерб за ущерб. На алтарь богине должна лечь дочь Агамемнона – лишь тогда греки смогут продолжить свой поход...

Столь же первоначально малозначительна для греческого мифа уловка Агамемнона, с помощью которой отец заманивает дочь в Авлиду. Он придумывает предлог: свадьбу Ифигении с Ахиллом – первым героем греческого войска.

Наконец, эпизод Ифигении в Тавриде для мега-сюжета Троянской войны и «медиа-сюжета» проклятого рода Атридов необходим лишь тем, что Артемиды спасает свою жертву, унося ее в далекую Таврику, и делает Ифигению жрицей в святилище тавров. Война в Трое и заговор против Агамемнона у него дома развернутся без нее...

Только с каждым следующим столетием, следующей мировидческой эпохой писателей (и читателей) все больше интересовало имплицитное, подразумеваемое эпохой предыдущей. И каждый новый ответ порождал новый вопрос. А

взятые вместе, они разворачивали свернутый бутон прототекстов, умножая эти тексты и высвобождая их внутреннюю сюжеттику.

Так, много позднее исторической Троянской войны, сначала Еврипид в своей трагедии, а затем уже в эллинистическую эпоху так называемые «мифографы» (собиратели и комментаторы древнегреческих мифов) из Александрии и Афин (IV–II вв. до н.э.), особенно Аполлодор Афинский, начали психологически мотивировать убийство Агамемнона после его возвращения домой, коварное поведение его жены Клитемнестры, убийство ее самой сыном Орестом и т.д. Тогда-то и укрупнился – сюжетно и идейно – эпизод «Ифигении в Авлиде». Он в свою очередь дал импульс укрупнению следующего эпизода – «Ифигении в Тавриде».

И рыцарственное поведение жениха, желающего спасти обманутую девушку, приписывают Ахиллу не древние рапсоды, а позднейшие трагики [Ярхо, 1980: 139–140].

Героическая роль самой Ифигении, готовой погибнуть ради «своих» и их победы, – мотив гораздо более поздний. В текст трагедии (и античный, и новоевропейский) он вошел, минуя Троянский миф.

Какую же роль исполнит юная микенка в будущем Крыму – тогдашнем «диком» пограничье античного мира?

С точки зрения мира языческого проигрывает всегда слабый (недостойный), он *должен* проиграть... Чужестранка (Ифигения), перенесенная богиней в таврское святилище, и чужестранцы (Орест и Пилад), посланные Аполлоном вернуть в Элладу изваяние Артемиды (Девы), – это два совершенно разных случая, разные «сообщения» божества. Одно требует почтения и послушания новой жрице; другое гласит: «Убейте их в мою честь...». А похищение статуи Артемиды возможно именно потому, что языческие боги в сильной степени «по-сосудовые». Прометей подсовывает богам худшую порцию мяса на пиру. Афродите подлавливают на адюльтере с Ареем-Марсом, накиннув на парочку сеть. И т.д., и т.п. Тавры смогли похитить – значит, они были более достойные. (Хотя такая мотивировка имплицитно, но не формулируется.) Орест (и греки в его лице) смогли похитить статую у тавров – следовательно, Артемиды сменила свое недо-

вольствие грекам на милость. Почему? – у богов не спрашивают.

Культ местной богини или Девы у тавров (как и во всем Северном Причерноморье) существовал независимо от греков. Но волшебной явившаяся пришельца из далекого «цивилизованного» мира принесла с собой новый, гуманизированный культ Артемиды, отмену человеческих жертвоприношений. А спасши от гибели приплывшего в Тавриду брата Ореста (и его друга Пилада), Ифигения помогает вернуть назад, в Грецию, похищенную некогда таврами статую богини Артемиды.

Историкам этот мифосюжет видится иначе. На героев ходили походами не тавры, а скифы. Человеческие жертвоприношения, особенно пленными, приносили практически все языческие племена, от индейцев доколумбовой Америки и архаических обитателей Африки, до воинственных германцев, египтян, жителей Двуречья и т.д. Жених Ифигении, Ахилл, даже на достаточно поздней фреске II–I вв. до н.э. сам приносит в жертву пленных троянцев. Причем в руке у него жреческий нож, а у его сподвижника-грека каменный молот – для «милосердного» оглушения пленника-троянца [Ярхо, 1980: 140, ил.].

Увоз «чужих» святынь как военной добычи также знаком почти всем древним – и не очень древним – племенам. Князь Владимир Киевский, еще не Креститель Руси и не муж византийской принцессы, а языческий конунг-князь-архонт, вполне однотипен с базиливсом Агамемноном или богатырем Ахиллом. Владимир увез из Херсонеса-Корсуна в Киев Корсунскую икону Божией Матери и «Свенские» Царские (т.е. алтарные) врата. Они украсят Св. Софию – кафедральный Собор столицы Руси и «матери городов русьских». Но и в Херсонес врата попали из Швеции, из церковной столицы Северной Европы – собора в Витеби. Да и мощи Св. Климента Папы Римского оказались в Риме не сами собою. Их вывез из Херсонеса Кирилл просветитель Словенский (Славянский). Лишь такою ценой Кирилл получил от Папского Престола разрешение проводить церковные службы в славянских землях не по-гречески, не по-латыни, а по-славянски.

Особого внимания в вопросе о «варварстве» тавров и «цивилизованности» греков заслуживают некоторые – безусловно греческие – арте-

факты и детали ритуалов доклассической эпохи. Среди них есть целый ряд изображений Артемиды. Статуя Артемиды Эфесской с плеч до ног покрыта мраморными грудями – символом плодородия. В аттическом Бравроне ритуалы в честь Артемиды совершались в медвежьих шкурах. Первоначально культ Артемиды Таврической тоже не исключал человеческих жертв. Именно в такую жертву Ифигения собиралась, по-видимому, принести собственного брата Ореста.

Резюмируем парадоксы «сюжета Ифигении». Ставший необыкновенно популярным и в изобразительном искусстве (начиная еще с фресок Помпеи), и в литературе (от Эсхила, Софокла, Еврипида до Гете и Пушкина), сюжет этот для троянского военного мифа оказался явно факультативным. Не позволяет он отождествить себя полностью с мифом о «культурной героине» (Ифигении) в краю «дикарей» (тавров). Кому же и где же послужил он как миф первостепенной важности? Как ядро будущего могучего и разветвленного свертхтекста? Избыточен он и для мира о «проклятом роде».

Существуют мифы миграционных сюжетов. Их ядро – освоение и присвоение «не-своего» пространства.

В палеомире освоение несвоего – действие не только самое важное, оно *единственно* важное. Как может произойти это освоение?

На языке предметов это – овладеть главным сокровищем «чужих». А главное сокровище и есть их главная святыня. Вот зачем аргонавтам потребовалось Золотое руно Колхиды. На языке человеческих отношений необходимо овладеть главной женщиной или главным мужчиной «чужого» роду-племени. Геракл вызывает симпатию царицы амазонок и вступает в связь с богиней Девой скифов, полужмеиной природы. На волшебном острове Левке (недаром он тоже именуется – альтернативно – Змеиным), в устье Днепра, оказывается после гибели герой Ахилл. По некоторым версиям, как раз там он воссоединяется (тоже после смерти) с Ифигенией. Страшна, но неукротима любовь Медеи, колхидской царевны, ко греческому герою-аргонавту Ясону. Аналогичная ситуация у карфагенской царицы Дидоны, полюбившей «мигранта»-троянца Энея.

Максимально популярный сюжет не был, таким образом, прочитан в нестандартном ракур-

се. В таком ракурсе следует прежде всего оценить масштаб экономических миграционных процессов в Причерноморье. По сути, они продолжают обеспечивать рост «Великой Греции». В метафизическом же плане совершенно меняется масштаб духовной активности. Причерноморье (и Таврида) изживает приметы традиционного язычества: привычную жестокость, привычный фатализм, привычную безликость и Человека, и Божества в их диалоге.

Если – опять-таки, в новом масштабе и в новом ракурсе – оценивать сюжет Ифигении и место в нем Тавриды-Крыма, ответ, вероятно, следует искать именно в этом направлении.

Каталогизируем греческие мифы, соотнесенные с Причерноморьем. Это мифы о женщинах-воинах, амазонках; о кровожадных великанах-лестригонах; о разбойниках таврах. О степной Змееной Царице и ее полуплене-полубраке с греческим героем Гераклом. О входе в подземное царство (оно же загробье) в землях киммерийцев (район крымской горы Кара-Даг). Не менее грозны «кавказские» мифы – от мифа о богоборце Прометее до мифа о Золотом руне, о царе Колхиды Аэте и его дочери, колдунье Медее. Таков и миф об Ифигении Таврической (и Артемиде Таврической, «Таврополос»). Артемиде не только как богине «дикой охоты» – древнего евразийского ритуала-процессии мертвых и одержимых, – но и Артемиде как богине луны и колдовства: функция, которая позднее отойдет к Гекате.

Довольно близкое географически Причерноморье для древних греков и далеко, и мистично, но мифологически. По емкой пушкинской формуле, Таврида – это действительно «волшебный край».

Вот почему массовая миграция греков в Причерноморье в VII–V веках до н.э. сравнима не только с ренессансными плаваньями на Дальний Запад, принесшими новую эпоху американских колоний и великих географических открытий. Сравнение гораздо более широкое: миграция эта сравнима с первыми полетами человека в Космос.

Величие в «реале» требовало адекватного величия в «виртуале» – величия черноморской мифологии. Ни одно сколько-нибудь крупное деяние не осуществлялось без священных сюжетов. Они как раз и переключали прагматику Истории в метафизику Мифа.

Восстановим цепь мотиваций нашего сюжета – не причинную цепь, к какой мы привыкли сегодня, а целевую. Метафизическая цель сюжета Ифигении – вернуть святыню греческому народу. Орест мог бы попасть к таврам и сам, но его бы принесли в жертву. Отменить жертвоприношение может только Верховная Жрица, но не Девы, «старой» богини, а Артемиды, причем Артемиды «новой». «Старая» Артемиды и у греков, в Авлиде, требовала человеческого жертвоприношения (то есть Ифигении), и это никого из греков не удивило. Отчего же охочая до человеческой крови, мстительная критская владычица диких зверей, бравронская богиня-медведица, эфесский деревянный столп, многогрудый «автомат размножения и кормления» спасает уже «заказанную» жертву, Ифигению? Оттого, – и тут греческие трагики открывают новый поворот сюжета, – что юная девушка, обманутая дочь, несостоявшаяся невеста, не защищенная даже «супергероем» Ахиллом, сама всходит на алтарь. Сама. Добровольно.

Тавры читали символику «стогрудой» Артемиды по-своему. Перед ними в Бравроне предстала знакомая Великая Богиня. Кормилица всего живого – не только людей, но и зверей. У славян такой была Баба-Яга, закидывавшая свои плодородные груди через плечо на спину... И это при том, что Яга была безмужняя (как и Артемиды), бездетная и обитала в диком лесу, среди зверья.

Артемиды Эфесская – памятник живому настоящему тавров, но далекому прошлому эллинов. (Даром, что датируют ее статую не слишком давней эпохой: III–II вв. до н.э.). Однако ментально она ровесница культу таврской Девы. Так что нашли и увезли тавры не столько «чужую» святыню, сколько подарок «своей» судьбы. Аналогичным подарком они скорее всего восприняли и явление юной Девы, Ифигении.

Так произошла встреча двух мифов. Так пассивная жертва сделалась сознательной священнослужительницей, а родовой архаический эгоизм превратился в личностное (но спасительное и для рода, и для народа) служение Божеству, а не рабское подчинение Ему.

Главный подарок, какой сделала Ифигения таврам, – это (согласно античным текстам) отмена человеческих жертвоприношений. Именно «миссионерский» и «цивилизаторский»

аспект сюжета Ифигении вызвал доверие (и нарастающий интерес) и многовековых зрителей, слушателей (а потом и читателей) Троянского свертхтекста, от Гомеровых поэм (VIII–VII вв. до н.э.) через великих греческих трагиков (V в. до н.э.), через европейский Ренессанс и Барокко (XVI–XVIII вв. н.э.) вплоть до начала века XX в.

В словаре индоевропейских концептов авторитетного французского ученого Э. Бенвениста [Бенвенист, 1995] целая глава (кн. III «Религия», гл. 3. «Жертвоприношение») посвящена архаическим понятиям о жертвенности. Смежная глава (4, «Обет») продолжает тему на материале ритуальных клятв и торжественных обещаний. Греческая часть проблемы проиллюстрирована «Илиадой» и сюжетом Агамемнона. (В русскоязычном издании примеры переведены в классической версии Н. И. Гнедича.)

Обнаруживается языческий смысл ритуального обещания и жертвоприношения. И то, и другое – составные части публичной сделки Человека с божеством.

В VI–V вв. до нашей эры античный эллинский мир оказался в глубоком кризисе – политическом и экономическом. Население Архипелага и Трояды – мира «троянского», малоазиатского – резко возросло. Старой аграрной базы грекам резко не хватало. Закупки зерна у соседей (от Египта до Причерноморской Степи) ставили греческий мир в постоянную зависимость. Кроме того, прежняя военная демократия в полисах оборачивалась системой олигархий. По городам-государствам прокатывается гражданская война – то внутриполисная, то межполисная (так Афины воевали со Спартой). Раздор, высылки, обнищание принуждают население бежать в поисках лучшей доли.

Маршруты этих миграций (отчасти политических, отчасти гастарбайтерских) вполне логично накладываются на проверенные, хорошо уже отработанные торговые маршруты. Подобной зоной торговых контактов для эллинов давно уже стало Причерноморье.

Почему же миграция расцвела в VI–V вв. н.э.? Раньше регулярные штормы, затяжная осенне-зимняя непогода делали Черное море морем «Негостеприимным» (Понтом Аксинским). Вдобавок греки плавали только вдоль берега (каботажное плавание). Теперь прогресс

мореходства, усиление коммерческих связей и взаимной заинтересованности постепенно превращали это море в «Гостеприимное» (Понт Эвксинский).

Не будем идеализировать этот процесс. Даки и скифы, тавры и меоты, колхи и киммерийцы не спешили в друзья к дерзким и «хитроумным» греческим поселенцам. Недаром миграционные мифы Эллады овеяны атмосферой риска, опасностей, испытаний. Что же, однако, принесла в таврский мир Ифигения? Отчего тавры восприняли ее позитивно?

Когда Ифигения волей Артемиды была занесена в Тавриду, жертвой богам был человек. Причем прежде жертвы-пленного это была жертва «своя». Предпочтительно, самая ценная девушка, а не мужчина; дитя или юноша, а не старик; царевна, а не простолюдинка. Дальнейшая же «гуманизация» запустила медленный сдвиг по этой шкале: от архаического полюса к полюсу новоевропейскому. На жертву богам пошла дичь – лань, кабан, медведь, а позднее и вполне одомашненный баран.

Понятие «подвига» имплицитно ускоряет сдвиг (в пределе – моментальную) реализацию сдвига. Таков подвиг Ифигении. Заметим: подвига в греческой версии не совершают аборигены Тавриды тавры. Они – только объекты чудесного превращения; творец чуда – богиня; Ифигения – медиатор, посредник.

IV. Обсуждение. Трансформация Ифигениевого мифа уже в эпоху античности, расширение Ифигениевого сюжета, его обращение к человеку не только способствовало и способствует дальнейшей его трансформации и усложнению в последующие эпохи, преданию своеобразного «психологизма» действиям его основных персонажей, исключению с течением времени из самого сознания художников-творцов сколько-нибудь важного для сюжетных ходов влияния на персонажей силы рока, но дает также разнообразный материал для дальнейшего исследования как функционирования самого Ифигениевого текста в мировой литературе, так и становления и развития в Крымском (таврическом) тексте его «античного» варианта, и это будет продолжением нашего труда.

Ифигениев миф становится достоянием русской литературы в конце XVIII века вместе с «присвоением античности». С присоединением

Крыма, Северного Причерноморья и Приазовья Россия приобрела наследие понтийских греков и римлян – руины античных греческих и римских полисов, располагавшихся когда-то по черноморскому и азовскому побережью. Еще недавно чужая культура античности стала частью русской культуры. В этом искали потаенный смысл и глубину. И нашли прежде всего Ифигениев миф. Причем в рамках захватывавших русскую литературу сентиментализма и грядущего романтизма он оказался как нельзя более актуальным, поскольку включал в себя не только память о Троянской войне и таким образом через Ифигению Таврическую и собственно Тавриду приближал отечественную словесность к истокам античной литературы – гомеровскому эпосу, но и нес в себе то, что оказалось особенно ценно литературой этого времени, – культ дружбы в высшем ее проявлении – жертвенную дружбу Ореста и Пилада. В центр мифа об Ифигении их ставит С.С. Бобров в своей описательной поэме «Таврида» («Херсониды»), об этом пишут писатели-сентименталисты П.И. Сумароков («Путешествие в Тавриду в 1799 году»), В.В. Измайлов («Путешествие в Полуденную Россию»), И.М. Муравьев-Апостол («Путешествие по Тавриде в 1820 году»). Этот мотив становится главным для А.С. Пушкина («Отрывки из Путешествия Онегина»: «С Атридом спорил там Пилад...»). Именно на этом делает акцент А.Н. Муравьев в своей поэме «Таврида»: в главе «Георгиевский монастырь» набожный поэт-романтик (в будущем известный духовный православный писатель) не может не восхититься самоотверженностью двух язычников, готовых жизнь отдать друг за друга, в чем, конечно, нет противоречия, если учитывать литературную атмосферу того времени.

Несмотря на обилие литературного материала, по проведенному исследованию невозможна дискуссия, поскольку на Ифигениев миф и текст никто до сих пор не смотрел в предложенном в статье ракурсе, поэтому авторы надеются, что выполненное ими исследование послужит началом научного обсуждения данного феномена.

V. Заключение. Являясь одним из первых творимых не в античном сознании, а в мировой литературе персонических мифов, миф об Ифигении стал частью нескольких мифов: а) Троянского мифа (о войне между ахейским межродо-

вым и малоазийским государством Троядой), б) Атридского мифа (о проклятом роде Атридов, чье проклятие вынужденно разделили царь Агамемнон и его семья, в т.ч. дочь Ифигения), в) Понтийского мифа (о греках, их походах и подвигах на Понте-Черном море; персонажами этого сверхтекста стали греческие герои: Ахилл на черноморском Приднестровье и Подунавье, Геракл на Боспоре, Одиссей в Киммерии и в краю лестригонов, будущей Балаклавской бухте, Ясон и аргонавты в Колхиде, Ифигения, Орест и Пилад в горной Таврике); г) Таврического (крымского) мифа (вовлекший в себя прежде всего сюжет Ифигении).

Родившись как греческий колониционный миф, миф об Ифигении и порожденный им сверхтекст выявил огромную смысловую емкость и пластичность. Каждая новая эпоха, воскрешавшая и заново интерпретировавшая этот сюжет, находила в нем свои, новые смыслы и ценности. В этих трансформациях константными оставались гуманистическая сущность деяния (подвига) Ифигении и возросшая с течением времени значимость дружбы Ореста и Пилада, возведенной сентименталистами и романтиками в культ.

В анализе порожденного в русской литературе мифом об Ифигении Ифигениевого текста (сверхтекста) как субтекста Крымского (таврического) сверхтекста видится авторам статьи одно из направлений ближайшего исследования.

Список литературы:

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.

Курьянов С.О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 312 с.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии: монография [Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова]. М.: Мысль, 1993. 959 с.

Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.

Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.

Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе [Отв. ред. Т.И. Печерская]. Новосиб. гос. пед. ун-т,

Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: НГУ, 1999. 392 с.

Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие [Науч. ред. Т.И. Печерская]. Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.

Пушкин А.С. Моцарт и Сальери // Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 7. Драматические произведения. 1948. С. 121–134.

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С. 3–29.

Топоров В.Н. Петербургский текст. Отделение историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2009. 820 с.

Ярхо В.Н. Ахилл // Мифы народов мира: энциклопедия: в двух томах [Гл. ред. С.А. Токарев]. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. Т. 1: А–К. 1980. С. 139–140.

Словари:

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова]. М.: Прогресс–Универс, 1995. 456 с.

References:

Abashev V.V. *Perm 'kak tekst. Perm 'v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the 20 th century]. Perm: Publ. of Perm University Press, 2000. 404 p. (In Russian)

Benveniste E. *Slovar 'indoyevropeyskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms]. Translation from French. Edit. and introductory article by Yu.S. Stepanova. Moscow: Progress-Univers Publ., 1995. 456 p. (In Russian)

Kuryanov S.O. *Taynyy klyuch russkoy literature: formirovaniye i stanovleniye krymskogo teksta v russkoy literature X–XIX vekov: monografiya* [The Secret Key of Russian Literature: Formation and Formation of the Crimean Text in Russian Literature of the 10th–19th Centuries: monograph]. Moscow: INFRA-M Publ., 2019. 312 p. (In Russian)

Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii: monografiya* [Essays on ancient symbolism and mythology: monograph]. Compiled by A.A. Tahoe-Godi; edit. A.A. Takho-Godi and I.I. Makhankova. Moscow: Publ. of Thought, 1993. 959 p. (In Russian)

Loshakov A.G. *Sverkhtekst kak slovesno-kontseptual'nyy fenomen: monografiya* [Supertext as a verbal-conceptual phenomenon: monograph]. Arkhangelsk: Publ. of Pomor University Publ., 2007. 344 p. (In Russian)

Lyusy A.P. *Krymskiy tekst v russkoy literature* [Crimean text in Russian literature]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2003. 314 p. (In Russian)

Mednis N.E. *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature]. Edit. T.I. Pecherskaya. Novosibirsk: Publ. of Novosibirsk State University, 1999. 392 p. (In Russian)

Mednis N.E. *Sverkhteksty v russkoy literature: uchebnoye posobiye* [Supertexts in Russian literature: textbook]. Scientific edit. T.I. Pecherskaya. Novosibirsk: Publ. of Novosibirsk State Pedagogical University, 2003. 170 p. (In Russian)

Pushkin A.S. *Motsart i Sal'yeri* [Mozart and Salieri]. *Polnoye sobraniye sochineniy*. [Pushkin A. S. Complete Works]. In 16 vols. Moscow; Leningrad: Publ. of USSR Academy of Sciences, 1937–1959. V. 7. Dramatic works. 1948. Pp. 121–134. (In Russian)

Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst* [Petersburg text]. Department of Historical and Philological Sciences RAS. Moscow: Sciences Publ., 2009. 820 p. (In Russian)

Toporov V.N. *Peterburg i "Peterburgskiy tekst russkoy literature"* [Petersburg and the "Petersburg Text of Russian Literature"]. *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury: Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the city and urban culture: Petersburg, Works on sign systems]. Tartu, 1984. Issue XVIII. Pp. 3–29. (In Russian)

Yarkho V.N. Akhill [Achilles]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v dvukh tomakh* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in two volumes]. Chief edit. S.A. Tokarev. Moscow: Modern Encyclopedia Publ., 1980–1982. V. 1: A–K. 1980. Pp. 139–140. (In Russian)

S.O. Kuryanov, M.A. Novikova

Iphigenia Text as a Subtext of the Crimean Text (the Formation of the Iphigenian Myth)

Scientific novelty. The article considers for the first time the myth of Iphigenia as the basis of the Iphigenian supertext. This myth and the supertext formed on its basis have not been singled out and studied in Russian humanities before this work.

The *aim* of the study is to show the ways of the formation of the Iphigenian myth, which became the basis for the formation of the Iphigenian text in world literature in general and Russian literature in particular. At the same time, the *tasks* that the authors set themselves can be formulated as follows: to reveal how changes occurred in the perceiving consciousness over time in connection with the reassessment of the role of Iphigenia in the Trojan myth, to identify the essential role of the Iphigenia plot for the perception of the Trojan myth in subsequent eras, to show the influence of the Iphigenian plot on the formation of various supertexts, including the formation of the Crimean (Taurian) supertext in Russian literature.

Research methods. The work uses mythopoetic, cultural-historical and comparative-historical methods, which contributed to the description of the historical conditions that influenced the transformation of the myth under study and the identification of its influence on the processes in the literatures of different peoples.

Results. The article summarizes and evaluates hypotheses regarding the place and content of Iphigenia's plot in various supertexts of Russian and world literature and culture. It turned out that the traditional localization of the plot about Iphigenia does not fit adequately into either the historical or mythological supertext about a magical journey to another world. Having considered it in an innovative Crimean perspective, the authors came to the conclusion that the Iphigenian plot is included in a special and extensive supertext - about the Hellenic colonization of the Black Sea region (4-5 centuries BC). At the same time, even one of its components – the Crimean supertext – Includes several plots. The most detailed and deep mythological plot of Iphigenia in Tauris performs several important socio-cultural functions. The main one (according to the authors) is the sacralization and humanization of the Hellenic development of the Black Sea and Taurica. Without the Crimean Iphigenian supertext, the Greek colonization of the future Crimea would have lost its spiritual and cultural dominant.

Keywords: Iphigenia, Taurida, Trojan War, other world, Black Sea region, antiquity, myth, supertext, Crimean text